

Приеду
к
одеду

Екатерина
Рождественская

Триеду
к
обеду

Москва
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
МОИ ИСТОРИИ С МОЕЙ ГЕОГРАФИЕЙ	9
МОСКВА И ПО АДРЕСАМ	17
Двор на Поварской	17
Моя Тверская (улица Горького)	28
Дом-сказка на Соймаоновском	37
Новодевичий	42
ЕРЕВАН	47
ДИВНОГОРЬЕ	67
ТБИЛИСИ И БАТУМИ	77
ВОКРУГ СМОЛЕНСКА	95
АЛТАЙ	99
АМСТЕРДАМ И ПРИГОРОДЫ	135
ЮРМАЛА И ДАЛЬШЕ НА ЗАПАД	144
ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛЕССКИЙ	159
АШХАБАД И ВРАТА АДА	163

ЛОНДОН И ПО ЮЖНОМУ ПОВЕРЕЖЬЮ	177
БАКУ	203
ТРИВАНДРУМ И ДАЛЬШЕ НА ЮГ ИНДИИ. . . .	217
ПСКОВ И РЯДОМ.	243
НИЦЦА И МЕНТОНА.	249
ФЛОРЕНЦИЯ И ВОКРУГ.	265
ПЕТРОЗАВОДСК И ДАЛЬШЕ НА СЕВЕР.	275
ВАЛААМ	289
МЮНХЕН	297
РЯДОМ С ЯРОСЛАВЛЕМ.	309
ИЕРУСАЛИМ С ЗАЕЗДОМ В ТЕЛЬ-АВИВ	313
ШВЕЙЦАРСКИЙ СКУОЛЬ И ПО ГОРАМ	335
МАРРАКЕШ И МАРОККАНСКОЕ ПОВЕРЕЖЬЕ	349
ЗВЕНИГОРОД	375
ЛОС-АНДЖЕЛЕС И НЬЮ-ЙОРК	381
И СНОВА МОСКВА.	439
ПОСЛЕСЛОВИЕ.	443

От автора

Иногда пишущие люди сравнивают выход новой книги с рождением ребенка. Не знаю, может, и так...

Смотрите сами — сидишь, вынашиваешь, страдаешь, иногда тебя, как при токсикозе, от написанного подташнивает, иногда наступает эйфория, какая ты гениальная, а потом может и выкидыш случиться — удаляешь к чертовой матери всю свою гениальность и снова, с чистого листа... Страдаешь, мучаешься, не ешь-не пьешь, задумываешься, не отвечая на вопросы домашних, и те понимающе кивают, переглядываясь, — что с нее возьмешь, она сейчас не с нами, писатель, право слово, а не мать!

Потом, когда уже неважно и рукопись стала толстой, объемной, выпирает и шевелится, идешь к специалисту, в издательство. Сроков для этого не существует.

И сколько книге вынашиваться, никто не знает, когда как: иногда мигом, месяц-другой, ррраз и готово, иногда неспешно, годами, а бывает, и всю жизнь...

Перед вами книжка про прекрасную и неотъемлемую часть моей жизни — путешествия и еду. Про города, в которых побывала за эти пять лет, дороги, что не кончались, людей, о которых решила вспомнить, а еще и рецепты, что собирала повсюду.

Но не могу не предупредить — это нетолерантные записки. Толерантность сегодня очень в моде, но я, извините, совершенно из другого теста. Пишу так, как есть — черное называю черным, а некрасивое — некрасивым, и подстраиваться подо всех или кого-то конкретного не собираюсь. Я родом из советского детства, когда многое было иначе и называлось своими именами. А если я все же кого-то обидела, то прошу прощения.

Мои истории с моей географией

Сколько я себя помню, а я себя помню, то всегда приходила в поросячий восторг при виде заграничных голубых старушек. Во времена моей юности их было довольно много, и они постоянно попадались на глаза — у театров, гостиниц, просто на улице. Эти мальвины на пенсии казались мне чрезвычайно привлекательными и совершенно необыкновенными. Их необычно-голубой цвет волос был отличительным знаком того, что все они приехали из далеких стран загнивающего капитализма и были ПУТЕШЕСТВЕННИЦАМИ.

Жили мы тогда на улице Горького, которая зовется нынче Тверской, центральной улице не только Москвы, но и всей страны. Окна наши выходили на Главный Почтамт и местами даже на Красную площадь. Квартира с валютным видом, как говорила моя бабушка Лида. По Горького важно и неповоротливо ездили огромные «Икарусы», автобусы, перевозящие мальвин и их благородных спутников в темных очках. «Икарусы» притормаживали у гостиницы «Интурист», здания уродского, совершенно никак не связанного по стилю с остальными домами на Горького, задуманного, видимо, как символ современной Москвы в то время. В этом символе — стекло, бетон, серость, отсутствие деталей и архитектурных излишеств — часто останавливались и папины друзья, когда приезжали в Москву. Было очень удобно — в самом центре, до всего рукой подать, да и у нас дома мож-

но было засиживаться допоздна, а потом идти себе под утро в гостиницу, тихонько пошатываясь от выпитого. Пять минут — и ты на месте! И мы сами часто бывали у них в «Интуристе» и в «Национале», который стоял рядом. Там в обширных фойе и сидели эти прекрасные голубоволосые старушки в ожидании очередного «Икаруса». Эти великовозрастные дамы стали тогда для меня символом свободы и независимости и даже какой-то молодежливой дерзости. Очень сильно отличались от наших отечественных застарелых тетенок, отличались всем — яркими нарядами, широтой жестов, открытыми взглядами, громким смехом и даже пухлыми чемоданами с разноцветными наклейками. Их, голубоволосых, никогда не останавливали швейцары. Другим же попасть в гостиницу было проблематично. Процесс входа занимал немало времени: нужно было, чтобы приглашающая сторона вас непременно ждала внизу и встречала с документами, подтверждающими регистрацию в гостинице, либо вы должны были дать энную сумму швейцару в качестве пропуска, обычно от трех до десяти рублей. При этом, несмотря на всю серьезность церберно-швейцарской службы и незатухающий огонь в глазах, внешний вид этих побитых молью старичков — кокетливая фуражка и невероятного зеленого цвета полупальто с золотыми галунами — делал их похожими на третьеразрядных опереточных лакеев. Швейцары стояли на страже во всех солидных гостиницах. Отдавали честь и брали чаевые. В основном они были вполне солидными и крепкими бывшими кагэбэшниками или военными, с серьезным подозрительным взглядом, в любом мужчине видевшим шпиона или фарцовщика, а в любой женщине от 15 до 70 — проститутку. Проституток, кстати, было немерено в интуристовских гостиницах, и многие девчонки из моего класса им завидовали, ведь очень хотелось загранич-

ных шмоток и волшебной разгульной жизни с приключениями. Я-то точно не завидовала. Мне не нравился пестрый боевой раскрас этих затравленных дев и вечная половая готовность. Мне было странно, что можно вот так часами напролет бездельно сидеть, скудно одетой, в баре и просто попивать яркий коктейль, ничего особо не делая. И даже без книжки в руках. И изредка подниматься в номер совершенно незнакомого мужика. Фу... Эта проститучья жизнь была просто выкинутым из молодости временем. Швейцары имели какой-то процент с их бурной женской деятельности и, по-ленински прищуриваясь, отслеживали их передвижения по фойе. Ну, а моих голубоволосых мальвин пропускали мгновенно, с улыбкой, широко распахивая перед ними дверь. Ведь мальвины эти были совершенно из другой реальности и со временем стали важной частью моего представления о мире, который существовал за пределами Советского Союза.

Мир этот казался беззаботным и радостным, полным приключений и красивой жизни, подсмотренной в заграничных журналах. Эти дамы стали для меня ориентиром на будущее, хоть и страшно было так далеко заглядывать. Несмотря на то, что все они были в годах, за семьдесят точно, они продолжали выглядеть привлекательно, подкрашивали седину синькой и одевались по последней капиталистической моде, а не донашивали, как наши, сто раз перешитое и перелицованное. И еще они точно выглядели здоровыми и боевыми, уж если могли позволить себе долгие перелеты и переезды. Да и дома у них тоже все было налажено, внуки-правнуки присмотрены и свободного времени имелось в избытке, которое и тратили они на себя и со вкусом. Ну вот так я себе все разложила по полочкам. Мне очень хотелось стать когда-нибудь такой мальвиной, хотя я понимала, что одно лишь окра-

шивание волос не превратит меня в свободную духом путешественницу.

И, как пишут в книгах, прошло время. Голубоволосые старушки из того далекого времени немного подвыветрились. Я тех, европейских, почти перестала встречать. Хотя, возможно, стала немодной та небесная синька для волос. Вместо привычных заездили на огромных автобусах по Москве седые китайские старушки, на которых мне совсем не хотелось быть похожей, не вязались они с тем сказочным дымчатым образом из моего далекого детства.

А детство мое проходило в Москве, где, собственно, родилась мама, а спустя 24 года и я. Москва ведь тоже интересный город, и почему бы нам по нему не попутешествовать? Не к Царь-пушке, конечно, отправиться, не в Лужники и не к памятнику Маяковскому — нет, это вы, пожалуйста, без меня, а очень прицельно, очень изби-

рательно, туда, где сердце замирает и переворачивается. Именно у меня. Ведь у всех есть любимые дворики, дома и переулки, правда? Вот я вам и покажу свои любимые московские места. Может, не все они любимые, но чем-то обязательно запомнившиеся.

Начнем?

